

М. С. Пелевин

АФГАНСКИЕ ГЕНЕАЛОГИИ В РАННИХ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ НА ПАШТО

Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

В статье исследуются генеалогические сведения, содержащиеся в произведениях афганских племенных вождей Хушхал-хана Хатака (ум. 1689) и Афдал-хана Хатака (ум. ок. 1740/41) *Дастār-nāma* («Книга о чалме») и *Tārīkh-i muraṣṣa'* («Украшенная драгоценностями история»). Решаемые в статье задачи включают выявление книжных и устных (фольклорных) источников афганской генеалогической традиции, зафиксированной в ранних письменных источниках на пашто; определение функциональности и идеологической составляющей генеалогических текстов; характеристику гендерного аспекта в системе патрилинейного родства; систематизацию и анализ новых данных для изучения этноконфессиональной истории паштунов, в том числе исторической хронологии формирования отдельных племенных объединений и этнической общности в целом, косвенных свидетельств этнической ассимиляции, стадийности процесса исламизации (в первую очередь на основе статистики личных имен, а также с учетом существования параллельных «духовных» родословных). Материалы исследования подтверждают идею о том, что ко времени возникновения первого афганского государства в середине XVIII в. паштунские племена устойчиво воспринимали себя единым народом с общим культурным наследием, а этническая идентификация была одним из ключевых элементов и общественного, и индивидуального сознания. Приведенные в качестве иллюстраций фрагменты исследованных источников впервые переведены на русский язык. Библиогр. 15 назв.

Ключевые слова: литература пашто, афганские племена, этнография, генеалогии.

AFGHAN GENEALOGIES IN THE EARLY PASHTO LITERARY WORKS

M. S. Pelevin

Saint Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

The article studies genealogical data reported in *Dastār-nāma* (*The Book about Turban*) and *Tārīkh-i muraṣṣa'* (*An Ornamented History*) by the Pashtun tribal chiefs Khūshhāl Khān Khaṭāk (d. 1689) and Afzal Khān Khaṭāk (d. circa 1740/41). The main tasks of the study are to distinguish between written and oral (folklore) sources of the Afghan genealogical tradition recorded in the early Pashto literary works, to determine functionality and ideological motifs of genealogical texts, to characterize gender aspect in patrilineal relationships, and to arrange and analyze new material pertaining to the research of ethnic and confessional issues of Pashtun history, such as the historical chronology of formation of particular tribal groups and Pashtun ethnicity as a whole, supposed traces of ethnical assimilations, the stages in the process of Islamization (on the basis of personal names statistics, first of all, and with regard to the existence of parallel “religious” lineages). The study supports the idea that towards the foundation of the first Afghan state in the middle of the XVIII century Pashtun tribes firmly perceived themselves as one people with common cultural heritage, and ethnic self-identification was a key element in their collective as well as individual consciousness. Quoted fragments from original Pashto sources discussed in the article are translated into Russian for the first time. Refs. 15.

Keywords: Pashto literature, Pashtun tribes, ethnography, genealogies.

В этническом сознании афганцев (паштунов)¹ — народа, по-прежнему сохраняющего традиции клановой или, по современному определению антропологов, сегментарной организации общества, — генеалогии играли и продолжают играть основополагающую роль. Не случайно в именах афганцев в качестве второго компонента, своего рода фамилии, до сих пор регулярно фигурируют именно исторические этнонимы, обозначающие племенную или клановую принадлежность. Поскольку в традиционном племенном обществе афганцев социально-правовой статус индивида в значительной степени определяется его родовыми связями, именно родословная (*насаб*) является тем формальным основанием или, условно, «свидетельством», которое удостоверяет и легитимирует этот статус.

Генеалогические представления в исторической перспективе выступали фактором иерархичности и подвижности этнического сознания афганцев, порождая в нем постоянное взаимодействие разных соподчиненных уровней: общенационального, племенного, кланового. Однако, несмотря на органически присущую ей ступенчатость, этническая самоидентификация, опирающаяся на идею об общности происхождения, была и остается стержнем национального менталитета паштунов. В мемуарах Муллы Заифа, участника движения Талибан, есть такие примечательные и одновременно очень типичные для афганцев слова, сказанные в качестве вводных идейных посылок к его автобиографическим рассказам: «Как афганец ты всегда больше, чем что-то одно: твой род, твоё племя, твой народ и то место, где ты родился, — все это часть тебя. Паштуны, которые давно уехали в большие города Афганистана, Пакистана или за границу, может быть, забыли об этом, но их подлинная сущность остается связанной с их племенем, их кланом, их семьей и их родственниками» [2, с. 2]².

В XVII — начале XVIII в., в эпоху, предшествовавшую образованию афганской государственности, генеалогический критерий имел решающее значение для регулирования социально-правовых отношений в паштунских племенах. Именно в это время появились первые письменные источники на языке пашто, содержавшие сведения о генеалогической традиции паштунов. Самой ранней письменной фиксацией афганских генеалогий, а также псевдо- и полуисторических сведений о возникновении афганского народа, очевидно, следует считать историографическое сочинение на персидском языке *Tārīḫ-i Ḥāndжахānī* («История Ḥāndжахāна»), написанное в 1612/13 г. в Индии историографом Ни'маталлахом Харави для Ḥāndжахāна Лодй (1587–1631), крупного могольского военачальника паштунского происхождения. Спустя сто лет сокращенная версия этого сочинения, получившая название *Махзан-и афганӣ* («Афганская сокровищница») ³, была пересказана на пашто Афдал-хāном Хатаком (ум. ок. 1740/41), потомственным правителем афганского племени хатак. Пересказ Афдал-хāна составил первые главы его большого

¹ Паштуны (ед. *паштун*, мн. *паштан*) — самоназвание народа; афганцы (ед. *афган*, мн. *афганан*) — исторически равнозначный этноним с неясной этимологией, известный из источников на персидском языке с конца X в. (подробнее см.: [1]).

² «As an Afghan you are always more than one thing: your kin, your tribe, your ethnicity and the place you were born; all are part of you. Pashtuns who emigrated long ago to the big cities of Afghanistan, Pakistan or abroad might have forgotten this, but their true identity lies with their tribe, their clan, their family and their relatives».

³ Сочинение было переведено на английский язык Б. Дорном в первой половине XIX в. [3].

компилятивного труда по истории афганцев *Tārīḫ-i murāssa'* («Украшенная драгоценностями история») [4].

Оригинальная (непереводная) часть *Tārīḫ-i murāssa'*, представляющая собой хронику хатакского племени⁴, в первых разделах содержит подробные сведения по генеалогии хатаков [4, с. 254–266]. Эти сведения были извлечены Афдал-хāном из черновики его деда, крупнейшего афганского поэта-классика Хушхāl-хāна Хатака (1613–1689). По словам самого Афдала, генеалогические разделы «Хатакской хроники» являются пересказом (*нақл*) фрагментов *Байāда* — несохранившихся в оригинале историко-документальных записей, дневников и воспоминаний Хушхāl-хāна. Изложение генеалогий Афдал начинает сразу со ссылки на свой источник: «Это рассказ из *Байāда* высокочтимого хана, который своей рукой написал...».

Хушхāl-хāн всегда интересовался историей и генеалогическими традициями паштунов, а более всего, разумеется, родословной собственной семьи. В его лирической поэзии встречается немало строк, прямо или косвенно отражающих этот интерес (см.: [7, с. 61–63]). Кроме того, в этико-назидательном трактате Хушхāла *Дастār-нāма* («Книга о чалме») (1666 г.) афганским генеалогиям посвящен отдельный раздел под названием «Изучение родословных» (*Тахқйқ-и насаб*) [8, с. 83–85]. Трактат написан в жанре княжьих зеркал (*Fürstenspiegel*), поэтому в нем говорится не столько о самих генеалогиях, сколько о важности их изучения, особенно для представителей военно-административной элиты. В начале раздела Хушхāl пишет: «О родословных паштунов мы слышали и видели много рассказов. В изучении этого предмета я очень постарался» [8, с. 83]. Далее Хушхāl приводит краткое резюме тех сведений об афганских генеалогиях, которые он «видел», т. е. прочитал в каких-то письменных источниках. Излагаемые им в *Дастār-нāма* генеалогические предания основаны скорее на книжной, а не на устной традиции, поскольку сами их сюжеты опираются преимущественно на мусульманскую мифологию и относятся к псевдоисторической древности. Надо полагать, главным источником для Хушхāl-хāна было упомянутое выше сочинение Ни'маталлāха *Tārīḫ-i Хāнджахāни*, откуда он почерпнул популярную у афганцев версию об их происхождении от древних евреев, потомков легендарного библейского царя Саула (Тālūt), и принятия ими ислама в VII–VIII вв.:

В одной заслуживающей доверия истории я прочитал (букв. «видел»), что пророк Дāнийāl (Даниил), когда еще был младенцем, волею случая остался без матери в пустыне. Всевышний Господь своей милостью послал ему одну львицу. Она отнесла его в свою пещеру, кормила своим молоком. Великую сущность пророка она взращивала [в нем] своими сосками, так что он вырос на львином молоке.

Поехал на охоту один царь. У входа в львиную пещеру увидел его. Изумился до глубины души. Забрал его, привез к себе домой, занялся его воспитанием. Спустя некоторое время [Дāнийāl] возвысился до пророчества, как было назначено [свыше]. Добился он власти и царства. На своей печати он вырезал изображение льва.

⁴ Об авторстве, структуре, общем содержании, идеологии и функциях этого текста см.: [5; 6].

Когда проклятый Бахтнаџр (Навуходоносор) завоевал четверть обитаемого мира, захватил он и Байт ал-Муқаддас (Иерусалим). Святейший Дāнийāl оказал-ся в руках этого несчастного злодея. Тот посадил его в оковы, а потом вместе с его народом изгнал с той земли, отправил его в Кирмāн, в Сйстāн. А часть его народа осталась в 'Арабистāне (Аравии), в окрестностях Мекки. [Род] Хāлида бин Валида — одно из тех подразделений (изгнанных в Кирмāн и Сйстāн. — М. П.). Короче, до тех пор пока арабам не был послан Мухаммад, те земли были их местожительством. Там они терпели муки и притеснения от огнепоклонников.

Во время [правления рода] Банй Умаййа (Омейядов), когда исламское войско пришло в Хорасан, весь тот народ во главе с родом Хāлида явился к военачальнику исламского войска. Приняли они исламскую веру. С исламским войском пошли дальше, завоевали земли вплоть до областей Инда.

Их родословная восходит к пророку Дāнийāлу. Ислам они приняли во времена халифата Банй Умаййа. Пророк Дāнийāl — из рода царя Тāлўта (Саула), а царь Тāлўт — из потомков брата пророка Ибрāхйма (Авраама).

Храбрость и смелость у паштунов — это следствие молока той самой львицы <...>

Имя «паштуны» им дала семья Сабуктегйнов, которые были правителями Газны. Когда султан Махмўд ходил священной войной на Сўмнāt в Гуджарāt, паштуны проявили большую стойкость. Султан сказал о них: «Это *патāн* моего войска». А *патāн* — это бревно; из таких строятся корабли [8, с. 84–85].

Есть все основания полагать, что Хўшхāl-хāн намеревался написать на пашто самостоятельную развернутую версию ранней истории паштунов, но в итоге сосредоточился только на хатакских родословных, зафиксировав их в своем *Байāде*. Тот факт, что Афдал-хāн в *Тāрйх-и мураџса'* предпочел пересказать историю происхождения паштунов именно по сочинению Ни'маталлāха, кажется, свидетельствует об отсутствии у него других авторитетных книжных источников на эту тему.

Генеалогические предания, рассказанные Хўшхāлом в *Байāде* и впоследствии включенные Афдалом в корпус «Хатакской хроники», относятся к тем сведениям, которые Хўшхāl, по его же словам в *Дастār-нāма*, «слышал» от предков. Недаром некоторые из них начинаются со слов «говорят, что...» (*вайй чэ*), тогда как легендарные рассказы в *Дастār-нāма* предваряются фразой: «В одной заслуживающей доверия истории я видел...» (*нэ му'табар тāрйх-кше-ме лйдэл*). В преданиях, извлеченных непосредственно из фольклора, отсутствуют книжные библейские персонажи, а излагаемые сведения, хотя и представляют собой племенные легенды и анекдоты, тем не менее соотносятся с подлинными генеалогиями паштунов и реальным историческим прошлым. Ниже приведены переводы трех преданий: 1) о Карлāне, легендарном основателе одного из четырех главных колен паштунских племен, к которому относятся хатаки; 2) о Луқмāне Хатаке, внуке Карлāне, родоначальнике племени хатак; 3) о Рашйде Цалозае, родоначальнике хатакского клана цалозай.

(1) Говорят, что Карлāн родился у матери на землях стойбища. В силу обстоятельств [люди] ушли на пастбища, а про него забыли. Когда о нем вспомнили, Ормар, который был братом Хўная, вернулся за своим племянником и нашел его. На том же месте еще оставался [забытый] ими котел. Положил он Карлāна в котел, поставил его на голову и принес на пастбище. У Ормара не было сво-

его сына. Он сказал Хўнаю: «Я твоего сына сюда принес с большим трудом, ты его не забирай [у меня], я сам его воспитаю. А ты возьми этот котел!» Хўнай согласился. Поскольку он обменял его на котел, — а паштуны называют котел [словом] *карахай*, — то из-за этого котла [мальчика] стали звать Карлāнаем.

Когда он достиг совершеннолетия, Ормар отдал ему в жены свою дочь. У них родилось много детей. Есть несколько подразделений, которые происходят от Карлāная. Если будет угодно Всевышнему Аллаху, об этом еще будет рассказано в своем месте [4, с. 255].

- (2) Говорят, что Лукмāн стал известен под именем Хатак по такой причине. [Однажды] Лукмāн, Утмāн, ‘Усмāн и Дзадрāн — все четверо [братьев] отправились на охоту. И четыре девушки афганского рода-племени выехали в степь. Столкнулись они друг с другом. [Братья] сказали: «Давайте бросим жребий на этих четырех [девушек]. Это большая добыча». Лукмāн был старшим среди них. Не согласился он бросать жребий и сказал: «Я [первым] выберу себе одну [из них], а вы [потом] бросайте жребий на трех других!» Так они и сделали. Из четырех девушек Лукмāн взял себе ту, что была наряжена в красивую одежду. Но когда он рассмотрел ее [поближе, оказалось, что] ее внешность не соответствует одежде. Стих: «Часто [случается], что красивое лицо бывает [только] под чадрой, / а откроешь ее — окажется там мамаша мамаша».

Остальные [девушки] оказались красивее этой. Прочие братья бросили на них жребий и согласно жребию взяли их себе. Когда они узнали, в каком положении оказался Лукмāн, сказали со смехом: «Лукмāн в глине увяз (*пә хата лāр*)». А это пословица у паштунов такая: когда кто-нибудь по какой-то причине оказывается в трудном положении, про него говорят: «В глине увяз». Поэтому Лукмāна и стали звать Хатаком...

Среди потомства от тех четырех девушек больше всего потомков было у Лукмāна. Ту девушку, которую выбрал себе Лукмāн и из-за которой его имя стало Хатак, звали Сабāка. Была она смуглой, крепкой телом и умной. От нее у Лукмāна родилось двое сыновей: один — Тормāн, другой — Болāк. Тормāн был похож на отца, а Болāк был такой же смуглый, как мать [4, с. 256].

- (3) А род цалозаев, который относится к [племени] халйил [объединения] горахел, входит в [род] тараев. Кратко дело обстояло так. ‘Алй-хāн и Малй-хāн были два брата из ватаров. Поставили они в степи шатры. К их шатрам пришел один юноша безумного вида. Несколько лет он пробыл с ними. [Потом] за ним пришли его братья. Нашли его, сказали: «Заберем его с собой». Но он не согласился идти. Говорят, что звали его Рашйд и был он сыном Йа‘қуба Халйла. У него был очень большой лук, и [братья] заметили его, когда он натягивал этот лук. Тогда он убежал, куда глаза глядят. В конце концов он снова пришел в дом ‘Алй-хāна. Когда узнали его родословную и то, что он чистых кровей, ‘Алй-хāн выдал за него свою дочь. Родилось у них пять сыновей. Потомки этих сыновей продолжают их род [4, с. 263].

Естественно, степень вымышленности фольклорных преданий зависит от времени, отделяющего их от момента письменной фиксации. Самое позднее по времени действия предание (3), где рассказывается об обстоятельствах появления в хатакском генеалогическом древе цалозаев, вполне может быть признано исторически достоверным (исключая только красочные детали, например историю

с луком). Сюжеты других преданий, по времени действия отстоящих от эпохи Хӯшхāl-хāна на пятнадцать-семнадцать поколений, т. е. примерно на пять веков, имеют выраженный легендарный и даже сказочный характер (обмен младенца на котелок, выбор невест по жребии во время случайной встречи на охоте и пр.).

Однако и за этими легендами, очевидно, скрываются факты реальной истории паштунского народа, сложившегося при участии разных этнических групп [1, с. 216–220]. Так, легенда о Карлāне имеет явно исторические корни, свидетельствующие о том, что колено карлāнай сформировалось путем ассимиляции паштунами соседних с ними народов, в том числе ормутов. Упоминающиеся в предании братья Хӯнай и Ормар — соответственно родной и приемный отец Карлāна — по некоторым сведениям, сами были приемными детьми в семье Шархбӯна, сына родоначальника первой ветви паштунских племен колена сарбанай (ср.: [9, с. 20–21]).

В рассказе о Лукмāне Хатаке явно историческую основу имеют сведения о внешности его «случайной» невесты, встреченной на охоте в степи. Девушка названа смуглой (букв. «была черного цвета»), и один из ее сыновей, родившихся впоследствии от Лукмāна, — Болāк — тоже «был такой же смуглый (черный), как мать». Из-за своей смуглости жена Лукмāна считалась некрасивой. Акцент афганского фольклорного предания на смуглом цвете лица и отраженные в нем представления о внешней красоте, согласно которым смуглость фактически приравнена к некрасивости, без сомнения, являются прямым отзвуком того факта, что в генеалогии племени хатаков, населяющего восточные границы паштоязычного региона, значительную долю имеют индоарийские и дардские этнические элементы.

Генеалогические предания, как и другие полупреданья сведения о далеких предках хатакских вождей, в большей степени относятся к художественной составляющей текста «Хроники». Непосредственно родословные содержат историко-документальный материал, достоверность которого возрастает по мере приближения ко времени жизни Хӯшхāла и Афдала. В письменной фиксации семейной родословной авторы «Хроники» видели не только просветительскую функцию, связанную с сохранением исторической памяти и воспитанием национальных чувств, но и отчетливый политический смысл, заключавшийся в легитимации власти правящего княжеского рода. В генеалогических разделах «Хроники» Афдал-хāн выступил как компилятор материалов, ранее собранных и записанных его дедом. Его собственное участие в работе над текстом этих разделов заключалось, видимо, только в том, чтобы обозначить собственное место в родословной хатакских вождей, подтвердив тем самым свое законное право на власть в племени.

Наиболее важным представляется тот факт, что семейная родословная хатакских вождей мыслится авторами хроники исключительно как ветвь общеафганского генеалогического древа, восходящего к общему легендарному предку Қайсу 'Абд ар-Рашīду Патану. Хатаки, как и другие крупные восточные паштунские племена — афрїдаи, вазїры, оракзаи, бангаши и др., принадлежат к колену карлāнай, которое в генеалогической традиции имеет не вполне ясную связь с тремя другими коленами: сарбанай, гӯргуштай и бїтанай. В разных версиях генеалогических преданий основатель этого колена Карлāн, как правило, считается приемным (см. предание 1). Однако хатакские вожди в своих сочинениях всегда говорили о себе не иначе как о «настоящих» чистокровных (аҗїл) паштунах и неизменно включали Карлāна в число прямых потомков Сарбана, одного из трех сыновей Қайса 'Абд ар-

Рашйда. В кратком виде основы афганских генеалогий сформулированы Хушхал-ханом в одном из его четверостиший: «По происхождению паштуны бывают / сарбанами, или гургуштаями, или битанаями. // Лодаи и гилдзаи происходят от Битана, / а карлана — от Сарбана» [10, с. 736].

В любом случае вместе с другими письменными свидетельствами XVII–XVIII вв. хатакская хроника подтверждает тот факт, что ко времени возникновения первого афганского государства в середине XVIII в. разрозненные паштунские племена уже давно воспринимали себя единым народом с общим культурным наследием, а этническая самоидентификация была одним из ключевых элементов и общественного, и индивидуального сознания.

Длинная цепь имен в семейной родословной хатакских вождей (по нисходящей) выглядит в «Хронике» следующим образом: Афдал-хан — Ашраф-хан — Хушхал-хан — Шахбаз-хан — Йахйя-хан — Малик Акорай — Дарвиш Мухаммад (Чинджо) — Таман — Хасан — Шайх 'Али — 'Ата (Хутай) — Батай — Ано — Баргвйт — Тарай — Торман — Лукман (Хатак) — Какай — Карлан — Хунай — Сарбан — Шархбун [4, с. 254]. Примечательно, что в отношении трех начальных звеньев хатакская родословная, зафиксированная в «Хронике», расходится с общеафганской генеалогической традицией⁵. Во-первых, в этой родословной допущена ошибка (если, конечно, это не ошибка переписчиков): Сарбан, по общему признанию, является отцом Шархбуна, а не наоборот, поэтому эти имена следует поменять местами. Во-вторых, в числе сыновей Шархбуна нигде не называется Хунай, но есть Ормар, которого традиция к тому же иногда считает приемышем. Согласно хатакским легендам, Хунай был братом (родным?) Ормара и отдал ему своего сына Карлана на воспитание якобы в обмен на котелок. Таким образом, в хатакской традиции Карлан явно искусственно связывается с афганским генеалогическим древом через Шархбуна, причем с вынужденным признанием двух уровней приемного родства.

Г. Моргенстиерне справедливо определяет Карлана как фигуру «сомнительного происхождения» («of doubtful ancestry»). В тексте «Хроники» имена Хуная, Сарбана и Шархбуна введены в родословную текстуально иначе, чем все прочие имена, соединяемые посредством генетивного предлога *да* (*Афдал-хан да Ашраф-хан...*). О начальных звеньях генеалогической цепи сказано так: «Карлан — сын (зой) Хуная, а Хунай входит в число потомков (*дахил на авладо*) Сарбана, который из потомков (*ла авладо*) Шархбуна». Ясно, что в племенной генеалогии хатаков не было точных сведений о происхождении Хуная, предполагаемого отца Карлана.

Не случайно в «Хатакской хронике» зафиксирована также еще одна версия происхождения Карлана, имеющая откровенно идеологический подтекст. Эта версия, по утверждению хатакских князей, имела хождение среди дилазаксов, составляющих одно из крупных племенных объединений колена карланай. Согласно этой версии, Карлан был саййидом, прямым потомком исламского пророка, причем по линии шиитских имамов. «Шиитская» или, точнее, «исмаилитская» родословная Карлана в дилазакской традиции выглядит так: Карлан (Саййид Хусайн) — Саййид Каф — Саййид Риджал — Саййид Хатам — Саййид Исма'ил — Имам Джа'фар

⁵ Краткую академическую справку об афганских генеалогиях см. в: [1, с. 218–219]; подробное описание афганских генеалогий с многочисленными таблицами содержится в: [11]; полезные сведения по этой теме можно найти также в: [9, с. 3–24; 12, с. 19–26; 13].

Сәдиқ — Имәм Муҳаммад Бақир — Имәм Зайн ал-‘Абидйн — Имәм Ҳусайн — Имәм ‘Али [4, с. 255]. Эта родословная, с одной стороны, свидетельствует о том, что в XVI–XVII вв. племя диләзәков находилось под сильным влиянием исмаилитских духовных учителей, а с другой — подтверждает факт распространения среди паштунов шиизма в его исмаилитской интерпретации.

Учитывая известные годы рождения Шахбәза (1591/92), Хӯшхәла (1613), Ашрафа (1635) и Афдала (1664/65), а также принимая во внимание традиционное измерение исторического времени поколениями (у афганцев поколение (*перәй*) как мера времени соответствует примерно тридцати годам), можно предположить, что Карлән жил в конце XII — начале XIII в. В этот период земли паштунских племен сперва входили в империю Гӯрйдов, а затем, после кончины в 1206 г. Му‘изз ад-Дйна Муҳаммада Гӯрй, командовавшего в восточных областях империи и завоевавшего Северную Индию, оказались в зоне контроля местных тюркских правителей, бывших гӯрйдских генералов Ихтияр ад-Дйна Муҳаммада Халджй, Нәсир ад-Дйн Қабәча и основателя Делийского султаната Қутб ад-Дйн Айбака (правил 1206–1210) [14, с. 1103; 15, с. 266–267]. Исторические источники свидетельствуют о том, что паштунские племена принимали участие в региональных политических процессах главным образом в качестве военных наемников или союзников. Объединяя данные истории и генеалогии, следует думать, что именно в этот период на основе интенсивной ассимиляции с соседними народами и параллельной ей исламизации паштуны сформировались как единый народ.

Главным источником генеалогических сведений, содержащихся в «Хронике», является устная племенная традиция. Многие пассажи в соответствующих разделах «Хроники» по стилистическим признакам похожи на неотредактированные записи устных рассказов или воспоминаний. Для такого рода текстов, фиксирующих свободное течение мысли, характерны отрывочность, сбивчивость и неравномерность в изложении фактов. Автор записывает все то, что в данный момент слышит от рассказчика или мысленно вспоминает сам, например:

У Бахәдур-хәна Алләхйәр, Муҳаммадйәр, Худәйяр, Амдәд и Шәх-бег родились от одной матери. Амдәд умер, когда ему исполнилось десять лет. Худәйяр погиб в войне с йәсуфзаями от рук хәдзйхелов из рода акозаев. А у него было еще два три взрослых сына. У Алләхйәра было шесть сыновей, у Муҳаммадйәра — два сына. У Худәйяра один сын был от сестры Мйрбәза, а второй — [от женщины] из другой семьи. Племянник Мйрбәза звался Са‘әдатйәр. Одного из сыновей ‘Алам-хәна звали ‘Асаф-хән. ‘Алам-хән погиб вместе с отцом [4, с. 260].

Воспоминания автора могут передавать слышанное им ранее от других людей или личный опыт. На собственных воспоминаниях Хӯшхәл-хәна основаны сведения, относящиеся к его ближайшим предкам и потомкам, а также лицам, которых он знал лично. Авторская задача Афдал-хәна, как уже говорилось, заключалась в том, чтобы свести воедино разрозненные материалы из *Байәда* Хӯшхәла и правильно выстроить цепь наследственного преемства в роду хәтакских князей, расставив в ней нужные политические акценты:

Должно быть ясным, что высокочтимому хану (Хӯшхәл-хәну. — М. П.) Всевышний Господь подарил пятьдесят детей мужского пола. Среди них всех старшим

(аршад) и преемником (валӣ 'ахд) был почтенный и достославный хан (Ашраф-хән. — М. П.), родитель автора [4, с. 258].

До Малика Акораия, прадеда Хӯшҳал-хана, генеалогические сведения о предках хатакских вождей в основном ограничиваются перечнями личных имен с указанием родства. Факты биографического и исторического характера упоминаются только в отношении Сағара, одного из внуков полубогородного Лукмана Хатака:

Говорят, что Сағар — тоже сын Боләка, брат Нандарка. У Нандарка и Сағара была одна мать, а у Марвата — другая. Сағару дали [в жены] бйтанку. С женой он уехал к тестю, там и жил. У него родилось шесть сыновей: один — Тара, второй — Бангай, третий — Макорай, и еще трое других. Сейчас их всех называют «три рода». Короче, когда Сағар прославился в племени бйтанов, по какой-то причине между его сыновьями и сыновьями его тестя началась вражда. Вместе с сыновьями он уехал [оттуда] и вернулся к брату Нандарку. [Потом] Нандарк и Сағар объединились с Сйнаем и Муғалкаем. Назвали они себя «три рода». Выделили они себе долю из земель своего брата Марвата. Но поскольку Сағар не поладил с Нандарком, он не смог взять свое наследство у Марвата, ведь у того было много потомков [4, с. 262].

Подлинная история хатаков начинается в 1581 г., когда было образовано хатакское княжество во главе с Маликом Акораем, прадедом Хӯшҳал-хана. В этом году Малик Акораий заключил договор с могольским императором Акбаром (правил 1564–1605), признав себя вассалом Великих Моголов и получив в ленное владение (*джәйр*) ранее завоеванные им земли к северу от города Кохата до берегов реки Кабул. Отрывочные сведения о личности и заслугах Акораия являются уже в прямом смысле историко-биографическими и излагаются в разделе, имеющем соответствующее название: «Повествование о Малике Акорае и его потомках, которые поочередно правили всеми хатаками» [4, с. 264–265].

Таким образом, переход от генеалогических, квазиисторических и легендарных сведений к собственно историческим в «Хатакской хронике» хронологически относится к последним десятилетиям XVI в. — времени, близкому жизни Хӯшҳал-Тана. Когда Хӯшҳал приступал к работе над племенной хроникой, история двух-трех предшествующих поколений еще хорошо сохранялась в памяти народа. Что-то Хӯшҳал помнил сам, о чем-то слышал от своих старших современников, живых очевидцев событий недавнего прошлого. Составляя генеалогическое древо хатакских князей после Малика Акораия, Хӯшҳал уже не ограничивался упоминанием имен, а регулярно добавлял к ним те или иные биографические факты, безусловно, имевшие историческую основу:

От Низама детей не осталось. От Татәр-хана остался один сын — Джахан-хан. От Джахан-хана осталось двое сыновей. Сам он умер от колик. А Татәр-хан скончался еще до гибели Йахийә-хана своей смертью. От Хидр-бега остался один непутевый сын. У этого сына тоже был сын. А сам он погиб от рук Ахдада уже после гибели Йахийә-хана. У Гафур-бега было семь-восемь сыновей. Три его внука были от старших сыновей — Ихтийара и Авад-бега, мать которых была из ормутов и звалась Азйза. От Табус-хана детей не осталось. Сам он умер своей смертью. Вместе с высокочтимым ханом он хорошо отомстил йусуфаям за Шахбаз-хана. Очень помог. Был он человеком храбрым, бесстрашным, приятным внешне

и крепкого телосложения. У Ми́срй-хана́ было два сына: один — ‘Ина́йат-ха́н, другой — Га́знй-ха́н. Сам он служил принцу Да́ра Шико́ху [4, с. 261].

Родословная хатакских князей, как и прочие афганские генеалогии, основана на принципе патрилинейного наследственного преемства. В генеалогическом древе указываются только имена потомков мужского пола. Исключением является Фа́тима, внучка Малика Акора́я, дочь его сына Йу́суф-ха́на. Однако ее имя упоминается в хронике не как звено генеалогической цепи, а как один из фактов в числе расширенных биографических данных о Йу́суф-ха́не [4, с. 257]. На примере списка потомков Ху́шха́л-ха́на хорошо видно, что наследственное правопреемство у паштунов осуществлялось только по мужской линии. В этом списке приведено более тридцати имен сыновей, доживших до зрелого возраста, и более двадцати имен сыновей, умерших в детстве или сразу после рождения. В полутора десятках случаях сообщаются также даты рождения сыновей. Сведения о дочерях Ху́шха́л-ха́на исчерпываются короткой фразой: «Тридцать одна дочь у него скончалась в разном возрасте» [4, с. 260].

Хотя родство по женской линии формально исключалось из племенных генеалогий, на практике оно обязательно учитывалось для уточнения кровнородственных связей. Иными словами, для генеалогий имело значение племенное происхождение матерей потомков мужского пола. Не случайно в записях Ху́шха́л-ха́на особое внимание уделено образу легендарной прародительницы хатаков жены Лу́кма́на Ха́така по имени Саба́ка (см. выше).

Регулярные упоминания о матерях и женах хатакских князей появляются в хронике начиная с времен Чинджо, отца Малика Акора́я. Сперва сведения о женщинах ограничиваются сообщениями об их племенной принадлежности, поскольку именно этническое происхождение было самым существенным для родословной и потому единственно сохранявшимся в устной традиции фактом. Так, о двух женах Чинджо автору хроники известно только то, что одна из них, мать Малика Акора́я и трех его братьев, происходила из клана бу́рийа́хел, а вторая — из племени банга́шей [4, с. 256]. По мере приближения ко времени жизни Ху́шха́ла родословная начинает фиксировать также имена женщин, их брачный статус (жена или наложница), другие факты. Например, сведения о матерях сыновей Акора́я кроме родовой принадлежности (ми́жахел, бола́қ, моманд, цйна́й, цалозай) уже включают их имена (Та́рука, Нандарко, Дурда́на, Панджо, Па́йй) и брачный статус (две из них, Панджо и женщина, не названная по имени, определены правовым термином *умм ал-валад*, «мать ребенка», которым обозначались рабыни, родившие детей от своих хозяев) [4, с. 257].

Генеалогические сведения о матерях и женах хатакских князей являются важным материалом не только для этнической, но и политической истории хатаков. Благодаря этим сведениям проясняются некоторые детали внутриплеменных и межплеменных политических процессов, например предпосылки борьбы за власть между старшими сыновьями Ху́шха́л-ха́на и причины последующего конфликта Афдал-ха́на с хатакскими шейхами или факторы, влиявшие на сложную динамику отношений хатаков и йу́суфзаев. Именно из родословных известно, что мать старших сыновей Ху́шха́ла — главных политических соперников Ашраф-ха́на и Бахра́м-ха́на — происходила из рода алакхел клана цйна́й, к которому

принадлежал также род йәсінхел, откуда вышел Шайх Раҳмкәр, глава ҳатакского духовного рода кәкәхел, предок Сарфарәз-Гула и других ҳатакских шейхов, воевавших с Афдалом в 1724 г. Противоречивый характер отношений ҳатакских князей с йӯсуфзайскими кланами левобережья реки Кабул и долины Свәт не в последнюю очередь определялся наличием родственных связей высокого уровня между двумя соседними племенами: одна из жен Хӯшхәла — мать его сына Ҷадр-хәна — была дочерью йӯсуфзайского вождя Мало-хәна, главы рода бәййзай.

Данные генеалогий могут привлекаться также в качестве косвенных документальных источников по этноконфессиональной истории. Традиционные афганские генеалогии, включая родословную ҳатакских князей, наглядно показывают стадильность процесса исламизации паштунских племен. Интенсивность этого процесса отражена в перечнях личных имен. У первых поколений ҳатакских князей (XIII–XIV вв.) доля мусульманских имен арабо-персидского происхождения в целом составляет примерно третью часть. Начиная с поколения сыновей Малика Акора́я (вторая половина XVI в.) все ҳатакские князья носят уже только мусульманские имена.

Следует обратить внимание на то, что в третьем поколении (внуки легендарного Карләна) доля мусульманских имен превышает половину общего числа: из пяти человек мусульманскими именами названы трое — Луқмән (Хатак), ‘Усмән (Афрйда́й), Бурхән. Двое из них — родоначальники крупных паштунских племен, ҳатаков и афрйдаев, сохраняющих свое политическое значение в современном мире. Не исключено, что в генеалогической традиции на определенном этапе произошла ретроспективная исламизация имен, обусловленная идеологическими причинами. Недаром генеалогическая традиция, обращаясь к народной этимологии, в форме полусказочных преданий объясняет происхождение имен Хатак и Афрйда́й. Это говорит о том, что причины «переименования» Луқмәна в Хатака и ‘Усмәна в Афрйда́е нуждались в объяснении. Ясно, что в XVII в., когда Хӯшхәл-хән занялся составлением родословной своей семьи, отцы-прародители ҳатаков и афрйдаев были лучше известны в народе под своими аутентичными паштунскими именами Хатак и Афрйда́й, а не арабо-мусульманскими Луқмән и ‘Усмән.

«Двойные» имена встречаются еще у трех ҳатакских князей поздних поколений: ‘Атә (Хӯтай), Давлат Хвәджа (Бабар) и Дарвйш Муҳаммад (Чинджо). В первом случае мы имеем дело с явными фонетическими вариантами. Сложно только сказать, какой из вариантов был первичным: арабское имя ‘Атә («дар»), трансформировавшееся у паштунов в повседневном употреблении в Хӯтай, или местное имя Хӯтай, интерпретированное традицией как арабское ‘Атә. В двух других случаях, вопреки сведениям авторов «Хроники», вероятно, Бабар и Чинджо были не прозвищами, а настоящими именами племенных вождей, получивших впоследствии за какие-то заслуги почтительные духовные имена Давлат Хвәджа и Дарвйш Муҳаммад.

Необходимо подчеркнуть, что интерес авторов «Хатакской хроники к генеалогиям не ограничивался только родословными ҳатакских князей. В *Тәрих-и мураҶса* за пределами текста хроники, составляющей по плану Афдал-хәна шестую главу (*дафтар*) книги, имеются также другие разделы, где с разной степенью детализации излагаются сведения по этнологии паштунских племен, в первую очередь касающиеся генеалогий и миграций.

Начальные разделы пятой главы *Tārīx-i muraṣṣa'* рассказывают о генеалогиях и миграциях племен подразделений ғорйахел и ҳащай [4, с. 231–237]. Согласно генеалогической традиции, легендарные эпонимы этих племенных групп — Ғорай и Ҳащай — были сыновьями Канда, одного из трех сыновей Ҳаршбӯна. От Ҳаршбӯна и его родного брата Шархбӯна, двух сыновей Сарбана, ведут происхождение две ветви крупного племенного объединения сарбанай. К подразделению ғорйахел относятся племена момандов, ҳалїлов, дāvудзаев, цамканаев; в группу ҳащай входят йўсуфзаи, мандары, гуйїаи, тарклїаи. Все эти северо-восточные паштунские племена — соседи ҳатаков, чем и объясняется особый интерес к ним со стороны Ҳўшхїл-хїна и Афдал-хїна. Этнологические сведения об этих племенах в *Tārīx-i muraṣṣa'* имеют в основном компилятивный характер и извлечены из письменных источников, о чем свидетельствуют начальные слова пятой части книги: «Это рассказ, который Ахўнд Дарвеза изложил в своей книге *Тазкират ал-абрїр ва-л-ашрїр*. В стороне Кандагара был один паштун, звавшийся Шархбӯном...» [4, с. 231]. Непропорционально малый объем пятой главы в сравнении с другими разделами *Tārīx-i muraṣṣa'*, а также краткость и фрагментарность текстов, рассказывающих историю племен ғорйахел и ҳащай, вероятно, указывают на то, что эта глава книги осталась недописанной.

Непосредственно паштунским генеалогиям посвящены также заключительные разделы *Tārīx-i muraṣṣa'*, где последовательно излагаются сведения о родословных всех четырех колен паштунских племен [4, с. 606–624]. Представленные здесь данные о карлїанях, включая генеалогические предания, отчасти повторяют содержание начальных разделов «Хатакской хроники», поэтому есть основания полагать, что тексты этих разделов являются интерполяцией, сделанной в дуррїанїйскую или еще более позднюю эпоху. Цель этой интерполяции, как и ряда других, видимо, заключалась в том, чтобы дополнить книгу Афдал-хїна материалами о западных паштунских племенах, усилиями которых в 1724 г. было создано первое афганское государство во главе с династией Дуррїанї.

Литература

1. *Morgenstierne G. Afghan* // The Encyclopaedia of Islam. New ed. Leiden: Brill, 1986. Vol. I. P. 216–221.
2. *Zaeef Abdul Salam. My life with the Taliban* / ed. by A. Strick van Linschoten, F. Kuehn. London: Hurst & Company, 2010. 331 p.
3. *Dorn B. History of the Afghans: translated from the Persian of Neamet Ullah*. P. 1–2. London: Oriental Translation Fund, 1829–1836. 184, 134 p.
4. *Афдал-хїн Ҳатак. Тārīx-и мурасса' (Украшенная драгоценностями история)* / подгот. текста, предисл., прим. Д. М. Кāмил. Пешавар: University Book Agency, 1974. 1494 с. (на языке пашто).
5. *Пелевин М. С. Племенная хроника хатаков: текст и автор* // *Commentationes Iranicae*. Сборник статей к 90-летию В. А. Лившица / под ред. С. Р. Тохтасьева, П. Б. Лурье. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 552–564.
6. *Pelevin M. The Khataks' Tribal Chronicle (XVII–XVIII): Extraliterary Text Functions* // *Iran and the Caucasus*. Leiden; Boston: Brill, 2014. Vol. 18. No. 3. P. 201–212.
7. *Пелевин М. С. Хушхїл-хан Хаттак (1613–1689). Начало афганской национальной поэзии*. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. 286 с.
8. *Ҳўшхїл-хїн Ҳатак. Дастїр-нāма (Книга о чалме)*. Кабул: Пашто Толїна, 1345/1966. 156 с. (на языке пашто).
9. *Caroe O. The Pathans 550 B. C. — A. D. 1957*. London: Macmillan & Co., 1958. 522 p.
10. *Ҳўшхїл-хїн Ҳатак. Куллийāt (Собрание сочинений)* / предисл. и прим. Д. М. Кāмил Моманд. Пешавар: Идāра-йи ишā'ат-и сархадд-и Пешāвар, 1952. 968 с. (на языке пашто).

11. *Сйāl Моманд М. Дж. Дə паштано қабйло шаджаре* (Генеалогии паштунов). Пешавар: University Book Agency, 1367/1988. 302 с. (на языке пашто).
12. *Массон В. М., Ромодин В. А. История Афганистана*. М.: Наука, 1965. Т. 2. Афганистан в Новое время. 550 с.
13. *Ромодин В. А. Генеалогическая структура основных групп афганских (паштунских) племен и их расселение в XVI–XVII вв.* // Страны и народы Востока. М.: Наука, 1980. Вып. 22, кн. 2. С. 239–251.
14. *Bosworth C. E. Ghūrids* // *The Encyclopaedia of Islam*. New ed. Leiden: Brill, 1991. Vol. II. P. 1099–1104.
15. *Hardy P. Dihli Sultanate* // *The Encyclopaedia of Islam*. New ed. Leiden: Brill, 1991. Vol. II. P. 266–274.

Для цитирования: Пелевин М. С. Афганские генеалогии в ранних письменных источниках на пашто // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13. Востоковедение. Африканистика. 2016. Вып. 3. С. 55–67. DOI: 10.21638/11701/spbu13.2016.305

References

1. Morgenstierne G. *Afghan*. *The Encyclopaedia of Islam*. New ed. Vol. I. Leiden, Brill, 1986, pp. 216–221.
2. *Zaeef Abdul Salam. My life with the Taliban*. Eds. A. Strick van Linschoten, F. Kuehn. London, Hurst and Company, 2010. 331 p.
3. Dorn B. *History of the Afghans: translated from the Persian of Neamet Ullah*. P. 1–2. London, Oriental Translation Fund, 1829–1836. 184, 134 p.
4. Afzal Khan Khatak. *The Ornamented history*. Edited with preface and notes by D. M. Kamil. Peshawar, University Book Agency, 1974. 194 p. (In Pashto)
5. Pelevin M. S. [The Khataks tribal chronicle: text and author]. *Sommentationes Iranicae. Sbornik statei k 90-letiiu V. A. Livshitsa* [Commentationes Iranicae. Collection of Papers in Honor of 90th Anniversary of V. A. Livshits]. Eds. S. R. Tokhtashev, P. B. Lurye. St. Petersburg, Nestor-Istoria, 2013, pp. 552–564. (In Russian)
6. Pelevin M. The Khataks' Tribal Chronicle (XVII–XVIII): Extraliterary Text Functions. *Iran and the Caucasus*. Vol. 18/3. Leiden, Boston, Brill, 2014, pp. 201–212.
7. Pelevin M. S. *Khushkhal-khan Khattak (1613–1689). Nachalo afganskoj natsional'noi poezii* [Khushkhal-Khan Khatak (1613–1689). The beginning of Afghan national poetry]. St. Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie, 2005. 286 p. (In Russian)
8. *Khushhal Khan Khatak. Dastar-nama (A Book on Turban)*. Kabul, Pashto Tolena. 1345/1966. 156 c. (In Pashto)
9. Caroe O. *The Pathans 550 B. C. — A. D. 1957*. London, Macmillan & Co., 1958. 522 p.
10. Khushhal Khan Khatak. *Collection of poetry*. Preface and notes: D. M. Kamil Momand. Peshawar, Idara-yi isha'at-i sarhadd-i Peshawar shahr, 1952. 968 p. (In Pashto)
11. Syal Momand M. J. *The genealogies of Pashtun tribes*. Peshawar, University Book Agency, 1367/1988. 302 p. (In Pashto)
12. Masson V. M., Romodin V. A. *Istoriia Afganistana. T. 2. Afgani-stan v novoe vremia* [The History of Afghanistan. Vol. 2. Afghanistan in modern times]. Moscow, Nauka Publ., 1965. 550 p. (In Russian)
13. Romodin V. A. [The genealogical structure of the main groups of Afghan (Pashtun) tribes and their geographical distribution in the 16–18th centuries]. *Strany i narody Vostoka* [Countries and peoples of the East]. Vol. 22, p. 2. Moscow, Nauka Publ., 1980, pp. 239–251. (In Russian)
14. Bosworth C. E. *Ghūrids*. *The Encyclopaedia of Islam*. New ed. Vol. II. Leiden, Brill, 1991, pp. 1099–1104.
15. Hardy P. Dihli Sultanate. *The Encyclopaedia of Islam*. New ed. Vol. II. Leiden, Brill, 1991, pp. 266–274.

For citation: Pelevin M. S. Afghan genealogies in the early Pashto literary works. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 13. Asian Studies. African Studies*, 2016, issue 3, pp. 55–67. DOI: 10.21638/11701/spbu13.2016.305

Статья поступила в редакцию 21 апреля 2016 г.

Контактная информация

Пелевин Михаил Сергеевич — доктор филологических наук, доцент; mosprolege@gmail.com

Pelevin Mikhail S. — PhD, Associate Professor; mosprolege@gmail.com